

Наталья Нестерова

Гости
съезжались
на дачу

Кто удивил,
тот победил!

Разговор по душам

Наталья Нестерова

Гости съезжались на дачу

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Гости съезжались на дачу / Н. Нестерова — «Издательство АСТ»,
2021 — (Разговор по душам)

ISBN 978-5-17-127428-3

«Тёщин Язык» – обычный посёлок-«полуостров» в излучине реки. Здесь всего четыре дома. В каждом доме, на каждом участке, безмятежно течёт своя привычная жизнь. Но однажды мирное течение летнего благополучия нарушено – на пороге одного из домов появились «чёрные риелторы» и объявили хозяйке, чтобы она немедленно покинула дом, так как он теперь принадлежит новым владельцам. Да, победа лёгкой не была! За неё пришлось побороться! Но можно ещё раз убедиться в том, что честность, порядочность и отвага всегда победят подлость, злобу и алчность. Обыкновенные, на первый взгляд, люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями. Читаешь – и дух захватывает!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127428-3

© Нестерова Н., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Наталья Нестерова

Гости съезжались на дачу

© Н. Нестерова, 2020

Все права защищены

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Часть первая

Дождь

Вечером заглянул сосед дядя Саша. Принес угощение – лукошко черной смородины. У Дуни на участке когда-то росло десять кустов смородины – красной, черной и белой. На дачу приезжала редко, смотреть на разросшиеся, одичавшие, полусохшие кусты, похожие на мертвых жучков осыпавшиеся ягоды было неприятно – все выкорчевала. Убить, чтобы не страдать.

Муж Дуни Степан рассказывал, что, когда был маленьким, у них в семье жила кошка. Она регулярно приносила котят, их топили в ведре с водой.

– Потому что, – объяснял Степан, – они такие хорошенькие, когда подрастают, привязываешься к ним.

– Утопить, чтобы не привязываться? – насмешливо спросила Дуня.

– Разумеется, – ответил Степан без тени смущения.

Их, Дуни и Степана, брак уж полгода не трещал громко по швам, но тихо расползался, как ветхая ткань. Пяти лет оказалось достаточно, чтобы отношения изветшали. Ни бурных ссор, ни изматывающих конфликтов, ни измен, ни обид – только постылая зевотная скука. Будто два животных: бычок и телочка – днем пасутся каждый на своей поляне, вечером в одном хлеве сходятся, пожуют сена, воды попьют и на боковую – завалятся на солому, нехитрым, быстрым, привычным сексом займутся. Без страсти, а чтобы зуд плоти унять – как почесаться, и заснут спина к спине.

Дядя Саша на правах старожила, помнящего и бабушку с дедушкой, и родителей Дуни, как бы принявший от них эстафету присмотра за молодой наследницей, прошелся по дому. Дуня приехала поздно ночью, а с шести утра драила веранду, большую комнату с печью – горницу, как называл ее дедушка, три спальни. Пыльный, затхлый, в паутине по всем углам дом словно упрекал ее: «Забросила!» Проветренный, чистый, дом оживал и радовался, дышал: «Вот теперь славно!»

– Ладная ты девка, Дуня, – похвалил дядя Саша, усаживаясь пить предложенный чай. – Не то, что моя внучка Алёнка. Приедет, носом покрутит, обрызгается с ног до головы от комарья, компьютер под мышку и заваливается в тенёчек по кнопочкам щелкать.

Дядя Саша и тетя Оля обожали внучку и критиковали ее с единственной целью: очередной раз услышать, что их касатонька умница и красавица. Хотя нежелание молодых горбатиться на даче, «кормиться с земли», старики считали глубоким заблуждением.

Дуня помнила, как дядя Саша еще с ее отцом спорил.

– А если завтра война? – вопрошал дядя Саша. – Где прятаться, чем кормиться?

– Если война, современная война, – уточнял папа, – то кормиться никому и нигде не придется.

– Вот не скажите, – подавала голос раскрасневшаяся тетя Оля, – свои продукты экологичные. – Поняв, что сморозила что-то не то, поясняла: – Экономичные и без нитратов.

– Да уразумейте вы, – горячился папа, – вашему сыну на даче отдых нужен, а не окучивание десяти соток картошки. Он прекрасный инженер. На воздухе, в благодати сельской становится и купит вам три вагона картошки.

– Не та это будет картоха, – мотал головой дядя Саша.

– Не та, – печально вторила тетя Оля.

Соседи уходили, папа с мамой мыли посуду, Дуня крутилась рядом. Она обожала слушать их разговоры. Когда с ней играли, дурачились, тоже прекрасно, но присутствовать при их общении – отдельное удовольствие.

– Как странно, – говорил папа, – что Оля и Саша, хоть и с деревенскими корнями, но жизнь прожившие в городе, он слесарь в депо, она швея на фабрике, выйдя на пенсию и поселившись здесь, быстро превратились в завзятых крестьян.

– Я тебе больше скажу, – отвечала мама, – строго между нами. Они детдомовские, какого рода-племени, не знают. И дом этот купили, а вовсе не от тетки достался. Кто-то пустил слух, может, сами и пустили. Легенда, хоть какое-то прошлое, семья, предки – корни. Мне Оля в слезах, в порыве откровенности рассказала после того, как мужа коромыслом гоняла за то, что к Любке-солдатке шастал. Дуня! – заметила ее мама. – Что ты здесь делаешь? Зачем ты это слушаешь? Немедленно спать! Сейчас же!

Хлестнула не больно по спине, а папа поймал ее у двери, обхватил лицо мокрыми в складочках на пальцах ладонями:

– Моя Дунечка! – поцеловал в макушку. – Спокойной ночи!

Она долго не могла простить родителям своего идиотского имени. Дунька! Ха-ха-ха! Евдокия звучит лучше, но так ее станут звать в старости. Дядя, мамин брат, звал ее Евдоха. Очень мило!

Папа умер неожиданно в пятьдесят лет, говорится – скоропостижно. Утром говорил, что поедут на дачу, ему нужно только на работу заскочить. На даче будут исключительно отдыхать, только соберут ягоды, наварят варенья, снимут и засолят огурцы, опрыскают от фитофторы помидоры. Нечего делать, к полуночи управятся. На работе у папы случился инфаркт. «Скорая» констатировала смерть. Во время похорон, на поминках мама была полусонная, заторможенная, не слышала обращенных к ней речей, глупо и непривычно, точно извиняясь и заискивая, улыбалась.

После поминок они, дочь и мать, сидели на кухне. Тупо, безвольно, молчаливо – жизнь не кончилась, но обрезалась. Можно ведь жить, если тебе отрежут руки, ноги... Лучше бы сразу – голову.

– Он очень меня любил, – вдруг заговорила мама. – Так, как нельзя, как не бывает даже в книжках. И когда он не знал, куда деться от чувств, он называл меня Дуня... моя Дуня... Потом ты родилась. И он сказал: «Это моя настоящая, персональная Дуня». Я, нелепо вспоминать, даже ревновала.

Дуне всегда казалось, что у нее во взрослой жизни будет как у родителей. У нее папины глаза и мамина улыбка. Будто эта схожесть – билет в партер на потрясающий спектакль. Ничего не надо делать, имея наследственный абонемент. Роковое заблуждение детей, имевших счастливое детство и заботливых родителей – парниковые условия.

– Погода-то какая! – сменил тему дядя Саша. – Июль, а холодрыга и третью неделю льет. Всемирное потепление! Уши оборвать метеорологам.

«Забавная логика, – мысленно усмехнулась Дуня. – В плохой погоде виноваты метеорологи, а в пробках на дорогах – производители автомобилей».

– Романтическая погода, дядя Саша. Три часа дождь стеной, потом на несколько минут проглянет солнце, и все становится зеленым, чистым и блестящим. Может, боги там, – она потыкала пальцем в потолок, – решили устроить большую стирку и генеральную уборку. По доброте душевной прачкам и уборщицам дают перерывы.

– Какие боги? – не понял дядя Саша.

– Олимпа. Зевс, Венера и прочие Аполлоны.

– Ты это брось! – нахмурился дядя Саша. – Бог у нас один, Иисус Христос!

– Неудачно пошутила, извините.

– Ты мне лучше скажи, супруг твой приедет или опять сама будешь косить, триммером махать?

– Не приедет, много работы. Сами знаете, настоящие мужики вкалывают от зари до зари, как лошади.

Лошадь-Степан в данный момент нежился на пляже турецкого отеля. Договорились, что Дуня присоединится к нему через неделю. Просить Степана помочь на даче – все равно что предложить пианисту канаву выкопать. Причем канава просуществует несколько месяцев, а в следующем году ее надо снова копать – труд бессмысленный и тупой. Степан был не музыкантом, а преподавателем физики в колледже. Добрым, милым, галантным мужчиной, которого обожали коллеги, в основном женщины, ценившие Дуниного мужа за миролюбие, за бесконфликтность. Они не догадывались, что эти замечательные качества проистекают из громадной лени, нежелания напрягаться, душевной вялости, возведенной в такую степень, что она уже превратилась в некое подобие деликатности интеллигента. Броня, ставшая кожей.

– В дождь косить нельзя, – сказал дядя Саша. – И зачем тебе эта дача, Дуня? Приезжаешь раз-два в год, наводишь порядок в доме и на участке, и – поминай, как звали, до следующего лета. Точно за могилами ухаживаешь.

Дуня опустила голову, чтобы не показать, как ранят ее эти совершенно правдивые слова. Ей не нужна дача как место отдыха, релаксации, и завятой огородницей она никогда не была и не рассматривала старый, хоть и крепкий дом с одичавшим участком как денежное вложение. Она просто не могла расстаться с местом, которое помнила с пеленок, где ее любили, баловали, где еще крепкие дед и бабушка заложили сад, где родители осенью собирали листья, картофельную ботву и прочие садово-огородные остатки, устраивали костры, дым от них стелился по земле, играл как живой: то кудрявился, то вытягивался длинными дрожащими языками. Пахло приближающейся зимой и сжигаемым летом. Да, личный мемориальный комплекс.

У дяди Саши и тети Оли была навязчивая идея купить соседский участок. То есть приобрести его должны Алёна с мужем, не совсем ведь они лопухи, поймут, пусть со временем, что земля – это вечное богатство. Их же, дяди Саши и тети Оли, задача уломать Дуню и сбить цену. Дядя Саша даже выучил выражения, не свойственные его речи, вроде: «сейчас предложение опережает спрос».

– За бесценок отдают. В деревне три дома на продажу выставлено.

– Вот пусть ваш сын их и покупает.

– Как ты не понимаешь! – Дядя Саша смотрел на нее так, будто Дуня сморозила несусветную глупость. – Землю-наследство надо объединять! Прирезывать! Как ты на Языке прирежешь?

Тещиным Языком или просто Языком назывался своего рода полуостров в излучине реки, отрезанный от деревни Вырубки почти на километр. На Языке стояло четыре дома; дяди Саши, Дуни, Кирилла Сергеевича, крупного шумного патриарха-главы большой семьи. Его все почему-то называли Ангел, даже внуки – «дедушка Ангел». Крайний четвертый дом был несчастливой судьбы, уже лет десять его все время продавали и покупали. Нынешняя хозяйка дома – симпатичная Алла Дмитриевна – из бизнес-леди, не потерявших простой человеческой доброты, которая сквозила в улыбке – без натуги щедрой. Кроме дяди Саши все были дачниками, то есть приезжали только на лето. Дуня и Алла Дмитриевна с семьей урывками, Ангел-патриарх почти на все лето. Спелся с дядей Сашей, осенью относил к нему в сарай технику и инструменты, телевизор и прочие ценные вещи. Уже не воровали лет пятнадцать, но все помнили, как чистили дачи, как лопаты и вилы надо было хоронить или возить в город.

Дядя Саша зарился на соседний – Дунин – участок. Ангела не сковырнешь, у него наследников что моли, последнее домовладение несчастливое, там черти поселились. А самое главное: Дуню можно прирезать. Не в смысле душегубства, а участок к своему присоединить.

Его уговоры шли по двум направлениям: Дуня не знает своего счастья избавления от дачи, и она как добрая душа должна сделать хорошо для наследников дяди Саши. Последний мотив был трогателен. Словно к тебе домой заявился сосед и на чистом глазу укоряет: «Два телевизора имеешь, а у меня ни одного нету. Не будь жадиной, прояви благородство, отдай мне один из телевизоров».

Дуня знала, что этот разговор состоится, и ей придется юлить, отнекиваться, говорить, что подумает. Однако аргумент, который дядя Саша привел в конце своей «уговорительной» тирады, Дуню шокировал, потому что, применительно к телевизорам, он означал: «Отдай по-хорошему!»

– Случись что? – с прищуром и притворной скорбью говорил дядя Саша. – Пожар, например. Проводка-то в доме старая. Останутся одни головешки, пока пожарные приедут, их еще и дозовись. Сама просить станешь, чтобы купили погорелье. И цена будет плевая.

«Спалит, старый черт! – мысленно чертыхнулась Дуня. – Свихнется окончательно, маразм победит, и спалит».

Восьмидесятитрехлетний дядя Саша был поджар, жилист и вынослив в работе. Про свою жену-ровесницу, полную женщину, он говорил: «Три моих объема сметаны с медом». Она тоже была трудягой, каких поискать. Но с головой в последнее время старики не дружили.

Год назад Дуня, совпав по времени с приездом Алёны, мягко, деликатно и «научно» ее спросила:

– Тебе не кажется, что у бабушки с дедушкой наблюдаются когнитивные нарушения?

– Поехала крыша и чердак протекает, – согласилась Алёна. – Что три дня назад было, не помнят и постоянно рассказывают одни и те же истории из своей героической молодости. То маразм погоняет склероз, то склероз маразм. Но они хорошие! – Алёна устала на Дуню с готовностью защищать деда с бабкой.

– Замечательные! Для меня – как родные.

– Не приведи господи! – сказала Дуня дяде Саше и для усиления эффекта перекрестилась. – Случись такая беда, вы уж не обессудьте. Продам олигарху. Три года назад мы с компанией приезжали, был школьный приятель Степана, ныне жутко богатый, и его супруга. Помните?

– Ну, – с показной уверенностью кивнул дядя Саша.

Он часто сталкивался с обвинениями детей и внуков, что не помнит ни черта, произносил многозначительное нейтральное «ну» – мол, говорите, послушаю, я ничего не забываю.

– Олигарху очень понравился наш участок. Его жене еще больше. Постоянно предлагают продать. В их планах прикупить всю землю до реки, там личный пляж устроить, а на месте дедушкиного дома, конечно же, отгрохают замок-коттедж.

На идею про несуществующего олигарха и его грандиозные планы Дуню натолкнуло воспоминание о том, как ловко Степан разрулил ситуацию с квартирой, которую сдавал. Вялый пофигист не означает недоумок. Когда возникала ситуация, грозившая нарушить его комфортную жизнь, Степан напрягался и проявлял завидную изобретательность. И его преподавательская и Дуни, реставратора, зарплаты были скромными. Безбедно существовать, модно одеваться, хорошо питаться и отдыхать на заграничных курортах позволяла рента от большой четырехкомнатной квартиры, доставшейся Степану от деда-генерала. Квартиру на первом этаже сталинского дома сдавали под хостел. Если бы сдавали семье или покомнатно гастарбайтерам, выходило бы в два раза меньше. Владелец хостела проблемы с участковым и прочими властями «закрывал» самостоятельно, но через год стали проявлять недовольство соседи. Дверь подъезда постоянно хлопает, шлятуют неизвестно кто, и надо выяснить, платит ли налоги Степан за сдаваемую площадь и контролирует ли ситуацию участковый. Прикормленный участковый сказал владельцу хостела: «Разрули!» Тот позвонил Степану: «Разрули, не могу же я еще и всем твоим соседям каждый месяц отстегивать».

Закончив говорить с арендатором, Степан несколько минут сидел молча, уставившись в потолок. Потом по городскому телефону набрал номер старшей по подъезду и заворковал, вставляя реплики в ее суровый монолог:

– Да, да, Клавдия Дмитриевна... Конечно, конечно... Ах ты господи! Клавдия Дмитриевна, дорогая, на вашем месте я бы точно так думал и действовал...

У Степана был потрясающий голос, то есть не просто голос, бархатный баритон, но и доверительные интонации, какое-то мурлыканье, угуканье в паузах – казалось, что ты говоришь с самым человечным из людей. Если добавить визуальное общение: ласковые глаза, сочувствующие гримасы, то просто погибель, какой красивый, сильный, понимающий и добрый мужчина. Когда Дуня с ним познакомилась, она была сражена психологически и эстетически, как от гениального художественного произведения, вроде скульптуры или оперы. Желание обладать этим уникальным творением она приняла за любовь.

– Клавдия Дмитриевна, – заговорил Степан, когда женщина выдохлась. – Я вас очень понимаю! Но и вы нас поймите. Мы с женой «бюджетная пара» во всех смыслах. Зарплата из госбюджета, и на нее только «бюджетно», с большим трудом можно существовать. Но ведь должен кто-то и на страну трудиться. Это не означает, что ситуацию нельзя изменить. Есть вариант, меня давно к нему подталкивают. Перевожу дедушкину квартиру в нежилой фонд, продаю коммерсантам. Они хотят открыть магазин. Клянутся, что книжный плюс канцтовары. Но кто их знает. Сегодня книжный, а завтра секс-шоп. Наша дверь в квартиру станет технической, а вход в магазин прорубят с фасада. Сам не хочу! Но что бы вы на моем месте делали? Что? Конечно, подумаю. Никакой спешки. Спасибо! Очень признателен!

– Милый лжец, – сказала Дуня, когда Степан положил трубку.

Их разговор она слушала, скрестив руки на груди.

– Почему лжец? – пожал плечами Степан. – Вариант с переводом в нежилой фонд вполне реальный, но хлопотный. «Милый лжец» – это произведение в письмах, верно? Так адресатка, актриса, не помню имя, называла Бернарда Шоу. Спасибо за сравнение. Мне всегда нравился сарказм Шоу, который многие принимают за легкий юмор.

– А тебя многие принимают за пластилинового мальчика, не подозревая, что ты замешан на граните.

– Хочется почесать об меня коготки? Не надо. Коготок увязнет, всей птичке пропасть.

Дядя Саша выглядел как золотоискатель, который долго рыл лопатой к богатой золотой жиле, а потом узнал, что с другой стороны идет шахтный комбайн.

– До речки с километр будет, непролазная чаща, – цепляясь за убегающую мечту, пробормотал он.

– При больших финансовых возможностях – ерунда.

– Скока дают?

«Скока-скока... Сколько стоит тут земля с домом? – лихорадочно калькулировала Дуня. – Дядя Саша говорил, полмиллиона тебе отвалим, но в рассрочку, конечно. Надо увеличить значительно, но не астрономически».

Изо всех скудных артистических способностей изображая скорбь победы корысти над памятью предков, Дуня, потупившись, пробормотала:

– Последнее предложение – десять миллионов.

– Сволочи! – воскликнул дядя Саша. – Насосались нашего общего народного добра!

«Нам не дали даже тарелки облизать», – мысленно добавила Дуня.

– Совсем забыла! – хлопнула она себя по лбу. Актриса из нее была никудышная, но собеседнику сейчас было не до театральных тонкостей. – Я же вам с тетей Олей привезла...

Стала выкладывать из пакета: коробочки чая, шоколадных конфет (дядя Саша считает шоколад признаком уважения), пастилы и зефира (тетя Оля любит их по причине беззубости), круглую жестяную банку сельди (пришлось ее поискать, но старики почему-то убеждены, что бочковая сельдь для народа, а в круглых банках для номенклатуры), головку сыра (важно не какой сыр, не какое количество, а именно чтобы облитая воском девственно непочатая головка), бутылочку «Курского бальзама». (В прошлом году был «Орловский», далее в прошлое – по всем областным центрам. Это возможность дяде Саше сказать, что его самогоно-

вое зелье «не уступает и даже превосходит».) Последней из пакета появилась баночка красной икры.

«Сейчас он скажет, что из заказа», – подумала Дуня.

– Из заказа? – спросил дядя Саша.

Она потупилась и кивнула.

– Балуешь нас, – складывая обратно в пакет гостинцы, явно обрадованный, качал головой дядя Саша.

Дуня только понаслышке знала о временах, когда было плохо с продуктами, когда на предприятиях и в учреждениях получали заказы с гречкой, консервами, морожеными курами, поделенным от головки на дольки сыром и деликатесами: сырокопченой колбасой, соленой красной рыбой, к праздникам давали икру. Дядя Саша и его жена ходили в сельский магазин, застекленные прилавки-холодильники которого ломились от колбасы всех видов и рыбы, на стеллажах теснились консервы какие хочешь. Но почему-то осознание наступившего изобилия растворялось, пока дядя Саша и тетя Оля шли домой. В хате, как они называли свой дом, старики снова погружались в свою нищую и по-своему счастливую молодость. Когда нужно было трудиться как проклятому, «чтобы пропитаться и чтоб не стыдно было, чем зад прикрыли». Сейчас они уже не засаживали картошкой пять соток, из двух теплиц осталась одна, число грядок с зеленью и корнеплодами уменьшилось. Не держали корову и даже козу, десяток кур – вся живность. Трудиться от зари до зари сил уж не было, да и сериалы по телевизору – их страсть, близкая к помешательству – загоняла в хату. По словам Алёны, для бабушки и дедушки сериалы были одним непрерывным кино, тем более, что артисты в нем снимались одни и те же. Бабушка и дедушка, плохо запоминавшие лица, забавно спорили: «Это муж той волосатой, что в тюрьме сидела» – «Да нет же! Той чернявой, что ребенка в роддоме бросила!» Спорили до хрипоты и взаимных обвинений в склерозе. Были единомышленны в том, что «кино жизненное», хотя никогда не видели женщин, сидевших в тюрьме или бросавших детей, коварных олигархов или следователей-бессребреников.

У Алёны был сын-школьник, и Дуню удивляло, что дядя Саша и тетя Оля относятся к правнуку с натужной показной нежностью. Потом она нашла объяснение. Когда-то они пережили взрыв оглушительной любви к родившейся внучке, столь мощный, что не утихал до сих пор. Ударная волна не подпускала правнука. У них уже не было сил ни на большой огород, ни на новую любовь. Однако идея прирезать соседский участок не затухала в их тронутых старческим слабоумием мозгах, напротив, крепла год от года. Одна, но пламенная страсть.

Провожая соседа до калитки, Дуня спросила:

– Грибы-то хоть в лесу есть? Как награда за мокротень.

– Косой косить. Каждый день по корзине белых таскаю и по корзине красноголовиков. Подберезовики не в счет. Не беру. Оля ругается, замучилась чистить. Двадцать банок замариновали, две наволочки насушили, – похвастался дядя Саша, – три ведра квасятся. Прорва грибов! Как перед войной.

– Где же? В каком лесу?

Дядя Саша нахмурился, плечами поводит, точно спину свело. С одной стороны, у него в руке сумка с подарками от Дуни. С другой стороны, никакой грибник не выдает своих мест, как и рыбак не признается, где клюет.

– Что ты, Дуня, как не местная! – то ее, то ли себя укорил дядя Саша. – Везде грибы: и в Круглом, и на Поле, и в Дальнем.

Круглый лес был вовсе не круглым. Если смотреть на него сверху, из космоса, напоминал медузу, раздавленную сапогом и прыснувшую во все стороны. Поле когда-то было настоящим колхозным полем. Дуне казалось, что она еще помнит, как гудели и ходили по пахоте тракторы. Но мама посмеивалась и говорила, что тракторов она помнить никак не может, если только младенцем не поднималась в коляске и не оглядывалась. За четверть века на поле поднялся

лес. Он был молод, Круглый старше лет на двадцать, а Дальний – настоящий бор с соснами в два обхвата, с березами в один обхват, дубами и рябинами. В детстве она думала, что в Дальнем живет Баба-Яга, водятся лешие и прочая нечисть. Родители ее не разубеждали – чтобы не вздумала одна в лес отправиться.

Проснувшись Дуня в семь утра. Косить нельзя, трава мокрая. «Сгоняю на пару часиков за грибами», – решила она, наскоро завтракая бутербродом и чаем. Ближе всего Поле. Не спортивно, да и белых там, наверное, нет. В Круглый? Его истоптали деревенские. Чем черт не шутит, в Дальний! Там чудеса, там леший бродит. Среди полян подосиновиков, они же красноголовики, и картинно стоящих белых. Бабушка называла их холостяками, потому что растут поодиночке, а не семейственно, как прочие грибы.

Дорога была красивой. Глинистая, с двумя колеями, между которыми кусты травы. Кое-где колеи были заполнены водой, приходилось обходить по обочине, плотно заросшей пижмой, дикими васильками, тысячелистником, пыреем, иван-чаем и еще какими растениями, названия которых Дуня не знала. И все они мощные, высокие, ей по грудь. Вот что значит дождливое лето. На пользу природе, а не утехам огородников.

Купол неба напоминал перевернутый голубой тазик, на котором нетвердая детская рука нарисовала облака и солнышко. Нет, не точно, ведь есть движение облаков, и солнышко то прячется за них, то снова выныривает, а дети теперь на компьютере сами делают мультики. Это мультик, придуманный и созданный романтической девочкой, которой не нравится выражение, что жизнь похожа на раскраску зебры – темная полоса сменяет светлую. Жизнь похожа на игру солнца с облаками.

Когда они поженились, в медовый месяц, Дуня предложила Степану:

– Давай родим ребеночка?

– Зачем? – поморщился молодой муж.

Его короткое «зачем?» вмещало в себя информации на пять рукописных страниц. Он не чадолюбив, он считает, что им без пеленок и горшков прекрасно живется, у нее прекрасные профессиональные перспективы, даже в Германию на работу приглашали. Зачем дети? Зов биологический? Поддаваться ему нецивилизованно. И так далее, далее, далее. Пять страниц разумных доводов.

Дуня тогда кивнула, не спрашивать ведь. Через год, когда ее спрашивали, когда они планируют детей, отвечала, что как только, так сразу. Признаться: «От своего мужа я детей не хочу» – немыслимо. Да и в лицо Степану она никогда бы не сказала: «От *тебя* рожать? Ни за что!» И пяти страниц аргументов не требуется. Можно, наверное, в ссорах бросаться упреками, обзывать, клеймить, проклинать. Однако заявить мужчине, что не хочешь от него детей – это запредельное оскорбление, как вычеркивание на генетическом уровне.

Она не будет сейчас думать о муже. Пора покончить с затянувшейся маниакальностью: постылого, она его не любит, но терзается, как бы не обидеть, как бы бросить так, чтобы оставаться чистенькой и правильной. Будто это не человек, а собачка, которую завела, а потом она тебе разонравилась: и выгнать стыдно, и жизнь отравляет.

Она будет сейчас представлять, что оказалась на необитаемой зеленой планете, которая полностью ей принадлежит. За тысячи световых лет людей нет. Лягушка, вынырнувшая из лужи, птица, планирующая в воздухе, уставились на Дуню с оторопью. Первая встреча с человеком – венцом творения в их галактике. Только комары не знают почтения, зло кружат вокруг лица, обработанного репеллентом.

– Моя планета... моя жизнь, – в такт шагам говорила Дуня. – Моя планета... моя жизнь...

Вот и Дальний. С опушки видно, что там отдельное царство – темное, сырое, угрюмое. И в то же время по-своему притягательное, влекущее и загадочное.

– Не заблужусь, – сказала себе Дуня. – Во-первых, я не буду углубляться, пойду в нескольких метрах от опушки, вдоль дороги. Во-вторых, буду ориентироваться по солнцу. Сейчас оно светит мне в правое ухо, значит, на обратном пути должно светить в левое.

Так папа учил ориентироваться по солнцу. Они ходили в лес за грибами, и папа приговаривал:

– Если едешь на Кавказ, солнце светит в правый глаз. Если едешь ты в Европу, солнце светит прямо в...

– Олег! – возмущенно перебивала его мама. – Прекрати! Тут дочь!

Дуню очень долго интересовало, куда же светит солнце тому, кто отправился в Европу.

Она только вошла в лес, сделала несколько шагов, и тут предстал он – громадный красноголовик. Белая прямая ножка, ярко-красная шапка размером с суповую тарелку.

– Зи-и-дравствуйте, – проблеяла Дуня. – Вы меня ждали? Очень приятно! Большое спасибо! Позвольте вас срезать? Со всем почтением, на червивость не буду проверять.

Дуня и потом разговаривала с грибами. Извинялась перед старыми подберезовиками со сморщенными, покосившимися шляпками: «Ребята, опоздала! Не обессудьте». Большущим белым, насквозь проеденным, в лабиринте червячных ходов, она говорила, что они чему-то все-таки послужили. Не каждый живописец или скульптор удостоится в музее предстать, то есть, в вашем случае, на сковородке. Вам сравнение сковородки с музеем кажется циничным? Давайте не будем дискутировать. Тем более, что на МОЕЙ ПЛАНЕТЕ правила поведения, морали и нравственности задаю Я!

Если бы бабушка была жива, Дуня рассказала бы ей, что нынче холостяки поженились. Дуня нашла несколько пар белых, идущих от одного корня. И еще «сватовство» – белые точно сбегались друг к другу. Красноголовки устраивали хороводы, а несчастным и бесчисленным сыроежкам Дуня говорила: «Не донесу, помнетесь. Множьтесь и плодитесь».

Собирать было легко и театрально красиво. В бору не росла трава, землю покрывал ковер из хвои и редких вкраплений мха. Грибы стояли как бутафорские, видные издалика. Дуня опьянела точно от спиртного: сначала удар возбуждения, потом эйфория самовосхищения и потребность рассказать всем, как жизнь прекрасна.

Корзина с горкой, надо возвращаться. Сколько она ходит? На часах девять. Тридцать минут шла до Дальнего, полтора часа собирала. Знатный улов!

– Пока, ребята! Спасибо! – помахала рукой Дуня и направилась туда, где, как ей казалось, опушка и дорога.

Она брела и брела, дороги все не было, а корзина становилась все тяжелее. Заблудилась. Грибы увели, заманили. Там видишь, тут усмотрела, три раза повернулась и направление потеряла – обычное дело. Повода для паники нет. В Дальнем блудят, то есть заблуждаются, словом, теряются, даже аборигены. Лес меняется из года в год: падают деревья, некоторые с корнем выворачивает, зарастают тропинки и дороги – и вот ты уже ничего не узнаешь.

Мы сейчас не будем паниковать. Мы просто определим необходимую последовательность действий в данной конкретной ситуации. Так Степан говорит: «Трезвая логичная последовательность действий в заданной ситуации». Чтoб ему! Нежится у моря, а она в дремучем лесу потерялась.

Итак, последовательность. Успокоиться. Сесть. Отдохнуть. Без истерик! Женская истерика в отсутствии зрителей – это паранойя. Разве что тихо поскулить. Не вспоминать, что слышала по радио, как пара пенсионеров, опытных грибников, вошла в лес в Тверской области, а вышла через три дня в Московской. И про ребенка, которого искали четыреста человек добровольцев и спасателей... Чтo мы за народ такой? Тянет нас в лес, грибы зовут, точно без них не проживем, не прокормимся.

Дуня села на поваленное дерево. Лес по-прежнему был сказочным, но уже не добрым, а насмешливо-равнодушным. Видел он таких охотников за его дарами. Надо корзину облегчить,

эту тяжесть она не дотащит. Дуня принялась срезать ножки у грибов, оставляя только шляпки. На дне корзины лежал «приветственный» красноголовик.

– Живи, – сказала Дуня, заваливая его трудами своего отбора. – Почему я не взяла сотовый телефон? И куда бы позвонила? В МЧС. Спасите, я заблудилась! А где вы? Если бы я знала, то вам не звонила!

По руке бежал муравей, за ним другой, Дуня смахнула их и увидела, что по ее ногам движется целая армия насекомых.

Она вскочила и заорала:

– Гадство!

Дерево, на котором она сидела, упало на край большого, не замеченного муравейника. И теперь воинственные насекомые атаковали врага. Дуне казалось, что они везде: ползут по ее спине, ногам и рукам, копошатся на голове, кусают подмышки, уже в трусы пробрались. Вереща, поскуливая и дергаясь как под током, Дуня лихорадочно раздевалась.

– Ой, мамочки, мамочки! – сбрасывала она сапоги, ветровку, стягивала носки, брюки, запуталась в футболке, лифчик никак не расстегивался, пальцы дрожали.

У груди своей одежды Дуня стояла голая, вертелась на месте, осматривала себя, быстрыми скользящими движениями хлопала по телу. Она не могла понять, есть ли на ней насекомые. Хотелось бежать прочь, немедленно и быстро.

Усилием воли подавляя ужас, клацая зубами не от холода, а от страха, проблеяла:

– Куда ты побежишь голая и заблудившаяся? И вообще муравьи очень умные. Ты ведь читала Бернара Вербера. У них цивилизация, чтоб им сгореть! Нет! Миленькие, хорошие, добрые муравьи, уползайте, пожалуйста! Опасности для вас нет, и я невкусная.

Она сгребла свою одежду и отошла на несколько метров. Надо все проверить и вытрясти. А какой-нибудь маленький поганенький ударник муравьиного труда заполз в складку и будет гулять по ее телу и кусаться! Спокойно! Кажется, у них запаса яда только на один укус.

Дуня почти закончила вытряхивание и обследование одежды, когда услышала посторонний звук, вроде треска сломавшейся ветки. Она оглянулась. Между деревьев стоял мужик и пялился на нее. Дуня не испугалась, что он сейчас на нее набросится и совершит подлое насилие. Только разозлилась: на тысячи световых лет вокруг ни души, а стоит раздеться донага – пожалуйста! Выползают из кустов.

– Чего тарачишься?! – гаркнула Дуня. – Не видел голой бабы?!

– Нет, то есть, да. Простите!

– Пошел вон отсюда!

– Конечно, извините!

Он отходил пятясь, оступился и, кажется, упал. Так ему и надо! Вуайерист недобитый.

Дуня быстро оделась, подхватила корзину и двинулась вперед. То есть куда глаза глядели. Солнце заштукатурило облака, никакой ориентировки. Надо просто идти.

Мужик плелся следом, через несколько минут приблизился:

– Простите! Я заблудился. Не могли бы вы меня сориентировать, как выйти к деревне Недодюрино или Передюрино... Как-то похоже, в начале то ли «недо», то ли «пере». Там дом моих друзей, мы приехали с ними. Дернула меня нелегкая сходить за грибами.

– Есть Пересказово и Недроги. Обе деревни километрах в пятнадцати от нашей.

– Так вы местная? – обрадовался мужчина.

– В определенном смысле. Я тоже заблудилась.

– Как же вы, черт подери! Уже три часа круги нарезаю. Послушайте, у вас есть телефон, смартфон?

– Позвонить в МЧС и сказать: спасите меня неизвестно откуда?

– Определить точку геолокации.

«Голова садовая, – обругала себя Дуня. – Он правильно говорит. Я ведь подержала в руках телефон и отложила. Не хотела со Степаном, он каждое утро звонит, разговаривать».

– Нет у меня телефона, – сказала она. – Да и связи тут, в Дальнем, наверное, нет.

– В Дальнем?

– Лес так называется.

– Ага, понятно. Хоть не Дальний Восток.

– Вы тоже телефон не взяли?

– Разрядился. Только успел сказать: «Игорь, я заплутал, сейчас пришлю точку, где меня искать», – и телефон сдох, издевательски пропиликав. Послушайте, а куда мы идем? Вы так уверенно двигаетесь.

– На выход идем. Надо стараться держать прямой вектор, хотя это сложно, будет заносить вправо. Вы не левша?

– Нет.

– Жаль. Когда один правый уклонист, а второй левый, вектор держать легче. Рано или поздно выйдем на дорогу между лесами. Здесь кругом дороги. Дальше просто – дорога приведет к населенному пункту.

– Похоже, вы опытная заблуждательница, заблудительница... Я уж про другие ваши привычки умолчу.

Дуня остановилась и гневно на него посмотрела:

– Сами выходите, неопытный! Меня папа так учил – держать вектор, искать дорогу. Что касается моих привычек...

– Не злитесь, пожалуйста! – Он крепился, подавлял смех, а потом расхохотался в голос. – Вы только представьте! Три часа плутаю по Берендееву царству, проклял все на свете. Вдруг слышу какой-то скулеж, мчусь со страхом, а если напрасно мчусь – там волчица с волчатами или лось с лосятами? И вместо этого! Нимфа! Пардон, нагая! Я с чем угодно думал столкнуться, но увидеть...

Он смеялся громко и щедро, запрокинув голову и хватаясь за живот.

Дуня невольно подхватила, расхохоталась:

– На муравейник... нечаянно села... они по мне ползали... казалось. Нет, ну что за жизнь! Кричи «Ау!» – не докричишься, а стоит раздеться, и тут как тут зритель в кустах. Даже не рояль.

– Даже не левша. Как вас зовут? – спросил он, вытирая слезы.

– Евдокия Олеговна.

Дернул бровью, удивившись официальности ее представления. Конечно, нынче дамы постпостбалзаковского возраста предпочитают именоваться без отчества.

– Очень приятно. Виктор Сергеевич.

На вид ему было лет за сорок, значит, пятьдесят с хвостиком. Сейчас поджарые, фитнесом или бесплатными спортивными упражнениями подкачанные мужчины консервируются на отметке «под сорок». С женщинами то же самое: моложавых бабушек все легко принимают за мам. Наверное, скоро к этому привыкнут, возрастная градация внешнего вида изменится. И когда ныне тридцатилетняя Дуня родит ребенка, когда-нибудь ведь родит, ей, гуляющей с малышом, станут говорить: «Какой симпатичный у вас внучек!»

Лицо у Виктора Сергеевича было простецкое, а взгляд внимательный, одновременно насмешливый и доброжелательный – безошибочный признак человека умного, опытного и неплохо образованного. Если бы Дунин сосед дядя Саша окончил университет, защитил диссертации или долго проработал на ответственной руководящей должности, у него было бы такое же лицо. За неимением подобной биографии дядя Саша прожил с простецким лицом, слегка тронутым наивным хитрованством. Виктор Сергеевич был одет в новенькую фирменную ветровку, под ней футболка из тех, что стоят как вечернее платье, джинсы тоже были с

иглочки. Только сапоги старые, выдавшие виды, очевидно, позаимствовал у хозяев. В сравнении с Виктором Сергеевичем Дуня была оборванкой – на ней была старенькая одежда для леса и работы на участке.

Двигаться быстро и строго по вектору не получалось. Приходилось обходить завалы, упавшие деревья, бурелом. Виктор Сергеевич забрал у Дуни корзинку

В ответ на ее вялые протесты скривился:

– Идет, из одной руки в другую корзинку перекладывает. И я буду на это спокойно смотреть? Прекрасная нимфа Евдокия Олеговна, учительница младших классов, считает меня старым и немощным. Сяду тут и заплачу.

– Я вовсе не учительница, – сказала Дуня, отдавая корзинку.

«Заплачу» – это он пошутил. Такие мужчины плачут, только выпив литр водки и потеряв кого-то очень любимого и дорогого. На поминках дочери, погибшей в автомобильной катастрофе, дядя Саша рыдал страшно. Не в смысле бурно и долго, а с жуткими рыками, стонами, ревом.

– Тем более, – похвалил Виктор Сергеевич.

Дуня не поняла за что. Что она не учительница?

– Что «тем более»?

– Да ничего. К слову. Двинули? Ориентир – тот просвет.

Задерживали грибы. Невозможно было пройти мимо роскошных подосиновиков, скромно-благородных белых. Виктор Сергеевич брал и подберезовики. Дуня твердо постановила: срезаем только те, на которые наткнулись, по сторонам не рыскать, с вектора не сходить, иначе грибы уведут. Несколько раз за просветами грезилась дорога, но это были обманные участки плотного, не продраться, молодняка. Поэтому, когда вышли на укатанную проселочную дорогу, ликование было, как от неожиданного и очень ожидаемого подарка. Точно дали тебе кулек конфет и заранее предупредили: тут много обманок. Разворачиваешь фантик – пустышка, другой разворачиваешь – пустышка. И вот пятый или десятый – ура, конфетка!

– Ура! – зычно крикнул Виктор Сергеевич. – Вышли! Надеюсь, не за Уралом. Куда теперь? Направо, налево?

– Не знаю, – пожалала плечами Дуня. – Хоть монетку бросать.

– Сыграем в камень-ножницы-бумага? Мой семилетний внук и пятилетняя дочка по каждому поводу играют.

– О! – только могла сказать Дуня, не сумев вычислить, какая разница в возрасте у его детей.

– У меня три жены, – пояснил Виктор Сергеевич.

– В гареме? – вырвалось у Дуни.

– Неудачно выразился, – рассмеялся Виктор Сергеевич. – Две бывшие, одна настоящая. Все замечательные, изумительные женщины.

– А разводы? – спросила Дуня и осеклась. Она столько думала о разводе с мужем, что слово невольно выскакивало из подсознания. – Простите, не мое дело.

– И все-таки?

– И все-таки, вы мирно и дружелюбно расходились?

– Дуня, то есть Евдокия Олеговна, если вам кто-то скажет, что развод – это ерунда, как зуб под анестезией выдернуть, не верьте. Развод – это операция на сердце без наркоза. Другое дело, что потом зарастает, если получается не взлелеять из бывшего супруга врага, то сначала худо-бедно, потом не очень худо и не очень бедно удастся сосуществовать. Актуальная проблема?

Ответа не требовалось, по Дуниному лицу было понятно.

Она выставила кулачки:

– Играем?

– Камень, ножницы, бумага, у-е-фа! – проговорили они хором, потрясывая кулаками. Победила Дуня: она выбросила «ножницы», у Виктора Сергеевича была «бумага».

– Куда идем? – спросил он.

– Ой, я не загадала!

– Что ж вы, голубушка! – попенял он. И тут же признался: – Я тоже забыл, что загадал. Между прочим, самые трудные для запоминания два объекта: черный или белый, вторник или пятница, и совсем пропасть – право или лево. Как только появляется третий компонент, становится проще. Черный, белый и голубой. Вторник, четверг и пятница. Но право и лево не имеют третьего варианта, поэтому только зубрить, мысленно повторять. У вас будет право, а у меня лево. Поехали!

Теперь выиграл Виктор Сергеевич: выбросил «камень», а Дуня – снова «ножницы».

– Какая вы постоянная, – сказал он. – Итак, идем направо.

– Вы же загадали лево.

– Ничего подобного! Право!

– Дразнитесь! Что вы со мной, как с ребенком!

Он забавлялся с ней, как с маленькой девчонкой, а смотрел как на женщину, которая очень нравится. Еще бы, имел возможность рассмотреть во всех деталях.

– Точно! Я загадал мнемоническим способом: мужчины всегда ходят налево, а женщины всегда правы. Но дело в том, что стоим мы друг против друга, и мое право – это ваше лево.

– Неразрешимое противоречие, – насмешливо проговорила Дуня. – Я вижу только один выход: вернуться обратно в лес и начать все сначала. Ладно, не пугайтесь, двинули на мое право и ваше налево.

Когда Дуня шла в лес, это была персональная планета с чудесным земным климатом и растительностью. Теперь – приятная прогулка среди красивой природы с интересным собеседником. Тени исчезли, но зеленый цвет листьев, травы, полевых цветов – во множестве оттенков – стал объемнее, как в 3D-изображении. Солнце так и не показалось, облака, перемешавшись и превратившись в бледно-серый дым, решили спуститься на землю. Их удерживала борьба сил: тех, которые желали пролиться дождем, и тех, которые не хотели отдавать воду. Соперники были равны по силе, и победа ускользала и от одного, и от другого. Казалось, вот-вот пойдет дождь, а через несколько минут – что наступит ясность.

Дуня не устала, она была тренированной – бегала по утрам. Однажды, когда поставила себе задание на скорость и потом, скрючившись, уперев руки в коленки, восстанавливала дыхание, подошла старушка, спросила: «От кого ты бежишь, деточка?»

Виктору Сергеевичу с двумя корзинами приходилось тяжелее. Поэтому Дуня периодически требовала отдать ей ношу.

В первый раз он воспротивился:

– Даже не мечтайте, нимфа-феминистка!

– Тогда я тут сяду и буду плакать! Не шутя, как вы давеча, а в полный голос и от всего сердца. Давно не было повода, а хотелось отчаянно. Спасибо, что предоставили возможность.

– Не переносу женских слез, у меня от них изжога и метеоризм. Берите вы свою корзину! На десять минут.

– Обе могу взять.

– Ни под каким видом!

– Ладно вам! Я уже поняла, что вы мужественный и сильный. Можете расслабиться. Неизвестно, сколько нам пилить по этим дорогам, и вы мне нужны в полной физической готовности. Вдруг придется кабанов, лосей или медведей отгонять. В самом деле! Не геройствуйте! Десять-пятнадцать минут нагрузки мне не в тягость. А вы ручками помашите-потрясите, мышцы спины растяните, руками вверх потягиваясь.

– Вы тренер по фитнесу? – отдал ей корзины Виктор Сергеевич, за недовольной миной скрывая облегчение.

– Опять мимо с моей профессией. Просто по утрам бегаю в парке и делаю всякие упражнения.

– От хорошей жизни или от плохой бегаєте? – спросил Виктор Сергеевич, не останавливаясь, на ходу разминая спину наклонами в стороны и потягиваниями.

– А что? Это в обоих случаях действует?

– Конечно. – Он припал к земле и сделал несколько отжиманий. – Как шампанское. Когда праздник и когда хочется праздника вопреки депрессии. В последнем случае рекомендуется смешать с коньяком, чтобы наутро отсутствие головной боли воспринималось как большое счастье. Все! Гоните корзины.

– Десяти минут не прошло. – Дуня ускорила ход.

– Тут время контролирую я!

– Что прикажете, ваше превосходительство! – отдала Дуня корзины. – В таблице о рангах вы точно превосходительство.

– Вроде того.

«Не хочет говорить, где и кем работает, – подумала Дуня. – Не очень-то мне и любопытно».

Ее интересовало другое:

– Сколько у вас детей?

– Трое. Внук от старшего сына, он хороший, правильный парень. Средний – охламон. Поступил за границей в престижный университет. Сам, без папиной поддержки. Потом-то я, конечно, вспомоществования высылал. После второго курса вожжа под хвост – бросил учебу, скитается по миру, в данный момент трудится в Греции инструктором по дайвингу. Балбес! Доченька же просто моя принцесса и отрада.

Дуня не смогла удержать завистливого вздоха.

Виктор Сергеевич внимательно и понимающе на нее посмотрел:

– Враки, что настрогать детей – дело нехитрое. Это дело не просто крайне хитрое, а ответственное. Может быть, самое ответственное в судьбе человека. И человек этот – женщина, за ней всегда выбор. Кто ни попадя посеет, а ей пожинать.

«Как он ловко и легко все про меня вызнал, – подумала Дуня. – Что я на грани развода, что у меня нет детей, и я о них мечтаю. И даже, возможно, понял, что не хочу ребенка от супруга. Дознатель в генеральском чине».

Надо было срочно менять тему и уводить разговор со скользкой дорожки.

– Вот так идти, – сказала Дуня, – благодать. Мы ведь не ходим по земле ради удовольствия. С работы на работу, прогулка в парке, а большей частью в транспорте передвигаемся. У нас нет времени на бесцельное движение, всякое перемещение обязано иметь причину. – Она смутилась своей романтической патетикой и посчитала нужным пояснить: – Всегда завидовала бродягам. Идут себе, куда хотят – по миру, по планете, сегодня здесь, а завтра там – воля, свобода и праздник для глаз. Но девочка-девушка-женщина-бродяга – это, как вы понимаете, не вписывается в моральный кодекс достойной представительницы женского пола, данные особы известной, древнейшей специализации.

– Я вас разочарую. – Виктор Сергеевич в очередной раз отдав Дуне корзины, выполнял растягивания и отжимания. – Романтикой там не пахнет, а смердит совсем другим. Подростком я начитался Джека Лондона и вместо того, чтобы в университет поступать, решил сначала жизнь узнать – три года сурового мужского труда, при этом спать по пять часов в сутки, прочитать все лучшие и мудрые книги мира, освоить философию и основы прочих наук.

Виктор Сергеевич рассказал, как, семнадцатилетним, практически с выпускного школьного вечера, удрал из дома. Он работал сборщиком ламинат на Белом море, валил лес, мыл

золото с черными старателями в красноярской тайге. Какие книги, какие науки – труд тяжелейший, отшибает любые интеллектуальные потуги. Из приобретенного условно-познавательного – умение виртуозно выражаться на фене и матом. По-другому там не общаются. Братство? Да, есть. Но это не то братство, что идет от душевной или духовной потребности, оно вынужденное. Держаться один за другого, не предавать своих, потому что выжить только в стае можно, одиночки быстро вянут.

– Романтика дальних дорог, – говорил Виктор Сергеевич, – если только не имеются в виду песни под гитару у костра в лесу, куда на машине приехали, хороша в кино и стихах, в искусстве... – он запнулся, как человек, коснувшийся болезненной темы, на которую способен говорить долго и все равно не найдет слов, чтобы до конца эту тему раскрыть.

– Искусство? – заинтересованно подтолкнула его Дуня.

– Вы представить себе не можете, какую свирепую ненависть я испытываю к фильмам и романам про хороших мафиози и честных бандитов. Все эти «Крестные отцы» и «Бригады», пусть хоть увешаются оscarами, – наглое вранье и чистый яд для общества: для пацанов, которые мечтают войти в клан сильных и смелых, для девушек, которые думают, что бандюки – это рыцари без страха и упрека. – Виктор Сергеевич несколько раз шумно вздохнул и выдохнул, сдерживаясь.

Дуню удивила его горячность. Наверное, что-то личное, отголоски давних испытаний.

– Уголовники, – сказала она примирительно, – конечно, пена общества.

– Нет, не пена. Пенки снимать – все-таки что-то вкусное собирать. А в пене мясного бульона содержится много полезных белков. Уголовный мир – это дно, ил, который протек из отхожих мест. Другая мораль, скажете вы. Какая мораль у обезьяны, если девяносто девять процентов уголовников – это кровожадные шимпанзе с золотыми цепями на груди? Человека убить можно: случайно, в аффекте, защищаясь, мстя – допускаю. Но убивать, наказывать по-ихнему, полосуюя кожу на ленты, вспоров живот и намотав на шею кишки? Нравственность? Продажные женщины сами выбрали себе судьбу. Но превращать их в животных, заставлять для потехи с кобелями спариваться? ЭТО есть другая нравственность? И все литературно-кинематографические сопли: он, сволочь и душегуб, трогательно маму любит или детишек своих, или парализованную сестру. Чему вы восхищаетесь? Биологической норме? Зверь тоже предков и потомков чует и не тронет без крайней нужды. Последнее – принципиально. Я однажды наблюдал, как блатные «прописывали» новичка. Обкуренные и пьяные до состояния нелюдей, они потребовали, чтобы мальчишка зарезал свою бабушку. Весело, правда? Она же его воспитала.

– Вам досталось от уголовников? – сочувственно спросила Дуня.

– Что? – переспросил Виктор Сергеевич. – Нет, – он рассмеялся и помотал головой. – Вы меня неправильно поняли. Ничего личного. Я физически-то на работе окреп, драться умел, в школе боксом и самбо занимался. Сумел себя поставить и с помощью кулаков, и выражений типа «я за справедливость, я чтоб по-честному». С рядовыми уголовниками разобраться было просто, с паханами сложнее.

– Тот самый один процент?

– Да. Умные душегубы. Умные без оговорок, а душегубы не потому, что направо и налево ножами чикают, а потому, что губят души глупых пацанов.

– Которые в других условиях стали бы почти честными тружениками, приворачивающими по мелочи?

– Не исключено. Наследственным воровским кланам постоянно нужна новая кровь. Гоните корзины, я отдохнул. Вы совсем не узнаете местности?

– Совершенно. Точно выйдем к Уралу.

– И отлично. У меня в Алапаевске замечательный друг.

– Заодно в Екатеринбург наведемся, подложим бомбу под Ельцин-центр.

Виктор Сергеевич остановился, поставил корзины на землю, протянул ей руку, с недоумленным восхищением пожал:

– Наш человек!

Так папа говорил: «Был бы террористом, подложил бы бомбу под Ельцин-центр». Дуню не интересовали новая и новейшая истории. Ельцин, Брежнев, Сталин и Ленин были для нее плакатными фигурами из недавнего или давнего прошлого. Она виртуально жила в русском Средневековье, и была одной из немногих, кто помнил запутанную генеалогию русских князей, историю их кровавой любви-ненависти.

– Я читала Варлама Шаламова «“Сучья” война» – сказала Дуня. – Ваши рассуждения очень близки.

Виктор Сергеевич, наклонившийся за корзинами, выпрямился и снова протянул ей руку:

– Уважаю! Эту вещь я бы обязал к прочтению всякому юноше, вступающему в жизнь.

– И после просмотра фильма о романтике разбойничьей жизни?

– Перед просмотром, для критичности восприятия. Что мы все обо мне да обо мне. Давайте поговорим о вас. Не учительница и не тренер по фитнесу.

– Погодите! Мне интересно, как вы вырвались, университет окончили и стали «превосходительством».

Шаламова Дуня читала в десятом классе, стянула с прикроватной тумбочки отца. Книжечка-брошюрка была тоненькой, из серии библиотеки «Огонька». К приходу родителей с работы брошюрка лежала на месте. В это же время они проходили в школе «На дне» Горького. Учительница говорила о том, что с помощью образов людей дна писатель поднимает общечеловеческие нравственные проблемы. И особо подчеркивала, что хотя наверняка в ночлежке говорили нелицеприятно и нецензурно, Горькому для создания характеров не потребовалась бранная лексика. Это – к дискуссии о допустимости «живой речи» в художественном произведении. У Горького было «литературное» дно, у Шаламова – натуральное. Художественное и документальное кино. Из Шаламова Дуня помнила, как помнят вкус чего-то мерзкого и отвратительного, эпизод, в котором уголовники развратили собаку, суку, по очереди совокуплялись с ней под гогот и на глазах у всего барака. Поэтому примеры Виктора Сергеевича не показались ей шокирующими. Знание о наличии мерзкого – прививка от очередного рассказа о нем. И второе, что запомнилось у Шаламова, – настойчивое утверждение, что уголовников нельзя перевоспитать. Спустя много лет она пришла к выводу, что никакого взрослого человека нельзя перевоспитать. Он может изменить поведение, как переехать в новую квартиру, поменять точку зрения, как сменить прическу, но это будет тот же самый человек – в новой квартире и с другой прической.

– Ничего интересного, – сказал Виктор Сергеевич в ответ на ее просьбу. – Как веревочке ни виться. Порезали меня блатные, но сознательно недорезали, чтобы подышал мучительней, сердобольный лесничий нашел, в больничку отвез. Там был замечательный парень-хирург, мы до сих пор дружим, он мне кровный брат. Подштопал, спас и кровь свою перелил. Я маме с папой позвонил, они примчались. У меня денег в схоронке было много, не все прогулял и пропил. Папа, я тебе машину куплю. Мама, тебе бриллиантовое кольцо и шубу. Они смотрели на меня с печалью. Мол, Витя, ты такие надежды подавал. Зачем нам машина и кольцо, когда наш единственный сын – полуживой инвалид. В армию меня не взяли, по причине этой самой инвалидности. Когда домой вернулся, оказалось, что я почти разучился говорить литературно, экал, мэкал, глотая феню и матерщину. В университет поступить не мог – забыл школьную программу. Тут и пошло, как у Мартина Идена – пять часов сна, остальное – учеба, чтение, основы философии и прочих наук. Это потруднее, чем с трехметровой косой-драгой стебли длиннющей ламинарии срезать под водой и в лодку вытаскивать, тут воля требуется. В университет поступил и оказался в среде наивных детсадовцев. По возрасту всего на четыре года был их старше. Но эти мелкие спорили о языках компьютерного программирования, а я только

и мог задурить девушкам головы рассказами о суровых буднях шишкобоев. А, ерунда! Дела давно прошедших дней.

– Мне всегда казалось, что пословице «яблоко от яблони недалеко падает» ошибочно приписывается негативный смысл. Естественно, что дети повторяют склонности и черты характера родителей, повторяют и хорошее, и плохое. Однако то, что родители считали хорошим для себя, то почему-то плохо для их детей. Учить дайвингу, конечно, легче, чем промышлять в компании уголовников на черном прииске.

– Поспорил бы, но неохота. Вы психолог? – спросил Виктор Сергеевич.

– Забавная тенденция, – ответила Дуня. – Раньше было важно знать о специальности, роде деятельности, заработке мужчины, о женщине иное: какая она хозяйка, мать, добра ли характером, покладиста ли.

– Мир катится к матриархату, – согласился Виктор Сергеевич. – Профессия накладывает. Моя первая жена была педагогом. Все воспитывала и воспитывала. Вторая – астрофизиком. Более всего любила смотреть на звезды, фигурально, конечно. В реальности пялилась в экран монитора.

– А третья жена?

– А третья жена просто жена, – отрезал Виктор Сергеевич.

Дуне понравилось, что он не дал своей нынешней супруге характеристик. Ей всегда казалось, что в обсуждении с посторонними людьми спутников жизни есть элемент предательства. Она чувствовала себя неловко, когда подруги длинно и подробно, с фактами и заключениями, критиковали своих супругов. Ни одна живая душа не догадывалась, что их идеальный брак со Степаном – замок из песка.

– Я реставратор, – сказала Дуня.

– Ага! Нежной ваткой смываем с картины грязь столетий, тонким перышком возвращаем перевозданный вид.

– Нет, – помотала головой Дуня. – Представьте себе холм, поросший травой, кустарником, мелколесьем. Под этим холмом – храм четырнадцатого века, архитектурное чудо русского Средневековья. Его немцы разбомбили в первые месяцы войны. Спустя семьдесят лет дали денег на раскопки. Я тогда еще студенткой была. Руины осыпавшихся фресок четырехметровой высоты. По кусочку, по кусочку, бережно откапывали. Три миллиона фрагментов разложили по семи тысячам планшетов – это просто фанерные дощечки с бортиками. Потом стали фрагменты собирать, склеивать друг с другом. Повезло, чертовски, фантастически, спасительно, что перед войной питерские ученые сделали фото и кальки фресок храма. Знаете, что такое кальки?

Виктор Сергеевич кивнул, но Дуня все-таки пояснила:

– Прозрачная бумага, калька, накладывается на фреску, и рисунок обводится. Кальки хранились в Русском музее, намотанные на палку. И снова повезло – сохранились, не истлели, не потрескались. Нам позволили сделать копии. В Средневековье фигуры святых на стенах храмов изображались в полтора-два человеческих роста. Поэтому мой рабочий стол два на три метра, а восемьдесят процентов фрагментов – один на два сантиметра.

«Сейчас он скажет про пазл», – подумала Дуня.

Так всегда говорили, когда узнавали о ее работе. Не догадываясь, что обижают. Все равно что сравнивать детскую лошадку-качалку с породистым скакуном.

– Гигантский пазл, – сказал Виктор Сергеевич.

– В определенном смысле. Кусок пятнадцать на двадцать сантиметров из ста пятидесяти фрагментов я собираю месяц.

Сейчас он посмотрит на нее как на пациентку психиатрической клиники с вариантом обсессивно-компульсивного расстройства. Эти больные способны день за днем, лист за листом заполнять миллиметровыми рисунками бабочек. В ответ Дуня скажет, что тогда гениаль-

ных вышивальщиц золотой и серебряной нитью убранств церковных патриархов надо срочно лечить.

– Надо иметь дьявольское терпение для такой работы, – сказал Виктор Сергеевич и протянул ей корзины без напоминания.

– Терпение? – хмыкнула Дуня, принимая корзины. – Я терпеть не могу терпения. Хорошо выразилась. Моя работа – это азарт, погружение в мир, затерянный в веках. Компьютерные игры отдыхают в обнимку с романами-фэнтези. Это... это кайф!

Она не стала говорить, что слывет одним из лучших подборщиков, что чувствует фреску так, словно ее писал отец, а она, малышкой, крутилась рядом. Многие кусочки штукатурки превратились в пыль, но ведь и многое сохранилось. Дуню приглашали на работу в Германию. Степан загорелся: на благополучной чужбине при деньгах за две сдаваемые квартиры, плюс Дунина зарплата, он бы мог осуществить мечту – ничего не делать, жить в сытое удовольствие, и никто не бросил бы на него косого взгляда. На его: «Давай рванем!» – она ответила: «Разве мы голодаем?» Научилась у Степана отвечать на рядовой вопрос вопросом с упреком. Мама про подобный стиль общения говорила, что он разрушительный и бескультурный. Маме очень повезло с папой. В их молодости (или это была уже зрелость?) за границу специалисты уезжали именно от голода и невозможности реализовать свой потенциал.

– Платят копейки? – спросил Виктор Сергеевич. – Немцы до сих пор финансируют?

– Копейки, – согласилась Дуня. – Немцы давно не подкидывают. Выкручиваемся, гранты запрашиваем, подработку берем.

– Подработку? – удивился Виктор Сергеевич. – Какого рода?

– По специальности. Не все же фрески в труху разрушились, бывают фрагменты достаточно крупные. Ой, у нас однажды было... – рассмеялась Дуня.

Так смеются над прошлым ужасом, который спустя время приобретает юмористические черты. Например, шла ты по улице, и вдруг лопнула резинка юбки, и эта зараза упала на землю, и ты споткнулась об нее и упала точнехонько в лужу. Поднимаешься, грязная и полуголая на потеху публике. Это случилось с подругой Дуни. И рассказывая, подруга шутила: «Чтоб мне в тот день ни надеть новые трусы?»

– На восстановление часовни в соседней области, – продолжала Дуня, – отвалили денег, мы взяли подряд. Далее представьте декорации. Большой металлический стеллаж, в нем друг над другом поддоны с восстановленными фресками. Три месяца работы. Принципиально – фрагменты не склеены. Мы хотели показать заказчикам, какую титаническую работу проделали. И тут к нам в мастерскую приходят электрики устанавливать пожарную сигнализацию. Им нужно было подлезть в угол. Словом, стеллаж падает, поддоны летят на пол, фрагменты бьются. Немая сцена. Потом тихий плач одной из сотрудниц, потом Эдик, у нас есть один парень, начинает материться как уголовник, я ловлю себя на том, что тихо скулю, арию подхватывают, и теперь уже скулит весь хор. Электрики напугались и стали предлагать: «Давайте мы вам поможем все это собрать?»

Виктор Сергеевич коротко хохотнул и по-деловому заключил:

– Подобной мастерской нужен хороший пиар-менеджер. Соцсети – Интернет на полную катушку, какие-нибудь звезды-шмонзды-олигархи на экскурсию, предвыборная компания губернатора и прочая лабуда. В смысле – привлечение внимания и кошельков общественности.

– Чем хорош матриархат, которого вы боитесь, – ответила Дуня, – тем, что женщины проще и героически, не побоюсь этого слова, наступают на горло своим желаниям, мечтам и склонностям. Вместо того, чтобы заниматься любимым делом за рабочим столом, руководитель нашей мастерской исполняет пиар-пляски.

Сзади слышался шум мотора. По дороге им часто встречались развилки, они не сворачивали на боковые дороги, приняв решение держаться самой накатанной.

Они встали в центре дороги, не объехать, корзины поставили на землю и принялись энергично махать руками, когда показался старенький «жигуленок».

Машина затормозила, бросились к окну водителя.

– Мужик, выручай! Подвези! – с подкупающей искренностью и благородной мольбой проговорил Виктор Сергеевич.

– Вам куда? – спросил дядька.

Это был просто дядька. Среднестатистический дядька за рулем битой ржавчиной машины.

– Мне в Вырубки, – сказала Дуня, – а ему – то ли в Пересказово, то ли в Недроги.

На лице дядьки возникло подозрение. Виктор Сергеевич незаметно для водителя, но ощутимо для Дуни щипнул ее за бедро. Мол, заткнись.

– Брат! Заблудились! – говорил Виктор Сергеевич. – Она отсель, а я хрен знает откель, в гости приехал. Дернула нелегкая за грибочками сходить. В лесу столкнулись.

– Вы еще про обстоятельства расскажите, – тихо проговорила Дуня, поглаживая бедро. – Вы куда едете? – спросила она дядьку-водителя.

Он назвал деревню, Дуня быстро сообразила:

– Подбросите нас до перекрестка с Тарасовкой?

– А сама-то откуда?

– С Языка.

Виктор Сергеевич посмотрел на нее удивленно, а дядька кивнул:

– Сашку привет! Сидайте.

Дуня и Виктор Сергеевич обогнули машину, застыли у багажника. Куда как ни в него корзины ставить. Дядька вышел, открыл багажник, продемонстрировав, что сюда не втиснуть даже ладони. Какое-то тряпье, мотки веревки, канистры, ящики с инструментами, прочие железяки, кажется, запчасти. Автомастерская на колесах.

– Силен, – оценил Виктор Сергеевич. – Уважаю. Витя! – протянул он руку.

– Аналогично, тезка. Тоже Витя, – ответил на рукопожатие дядька.

– А это Евдокия Олеговна, – представил Дуню Виктор Сергеевич и с каким-то хитрым прищуром чуть закатил глаза.

В ответ было понимающее подмигивание. Эта мужская солидарность!

Полная, с горкой грибов корзина Вити-водителя стояла впереди на пассажирском сиденье. Дуня и Виктор Сергеевич, усевшись на заднее сиденье, держали свои корзины на коленях.

Как же хорошо было ехать! Пусть по ухабам, пусть в машине, которая дребезжала как консервная банка, привязанная к собачьему хвосту. Но ехать! Дать отдых спине и конечностям.

– Я помолодел на тридцать лет, – шепнул Дуне Виктор Сергеевич.

Она поняла эту фразу, только когда он принялся обсуждать с Витей-водителем достоинства и недостатки «жигулей». Говорил со знанием дела, сравнивал модели, подвергшиеся улучшениям или ухудшениям. Водитель поддерживал разговор с удовольствием, а Дуню обсуждение поплавков в карбюраторе не занимало.

Она думала о странно-доверительном общении с Виктором Сергеевичем. Дуня нелегко сходилась с людьми. Виктор Сергеевич тоже не производит впечатления человека – душа нараспашку. Однако они почему-то говорили так, словно в прошлом имели многие часы и дни притирки друг к другу. Словно в предыдущей жизни убедились, что одной группы крови, то есть свои по духу.

Дуню укачало, не заметила, как заснула.

Очнулась от теплого и нежного дуновения в ухо:

– Дуняша, мы приехали.

Машина стояла. Корзины Виктор Сергеевич пристроил рядом с собой на сиденье одна на другую, его была нижней, грибы в ней точно подавятся. Виктор Сергеевич обнимал Дуню, возлежащую на его груди. Кажется, прежде чем шепнуть ей на ухо, он поцеловал ее в висок.

Дуня выбралась из «жигулей», потрясла головой, прогоняя сон. Он был какой-то сладкий, про что-то детски-хорошее. Витя подвез их не к перекрестку, как договаривались, а к Тещиному Языку. Витя-водитель и Виктор Сергеевич трясли сцепившиеся в пожатии руки и говорили про приятное знакомство и про какую-то запчасть, которую Виктор Сергеевич достанет Вите-водителю.

Когда они вошли на Дунин участок, хлопнула за спиной калитка, очарование лесного общения стало таять. Не портиться, а растворяться. Это как сдружиться с человеком в поезде, в походе, в больнице, в очереди, а потом оказаться с ним в квартире. Человек тот же, а обстановка иная. Влияние формы на содержание.

– Туалет по дорожке и налево, – сказала Дуня. – Рукомойник на веранде. Давайте свой телефон, поставлю на зарядку.

Она включила электрический чайник. Ей нечем угостить гостя. «Угостить» и «гость» – однокоренные слова.

Виктор Сергеевич плескался у рукомойника. Полотенце там чистое, утром повесила. Хоть что-то.

Он вошел в горницу, и Дуня быстро проговорила:

– Колбаса, сыр, хлеб забыла купить, только утром обнаружила, «бомж-пакеты» китайских сухих макарон – просто добавьте воды. Всё!

Виктор Сергеевич улыбался. Ах, как улыбался! За такую улыбку надо четвертовать, то есть обрубить конечности, чтобы баб не смущал. Голова-то останется, он и без конечностей будет первым парнем на деревне.

– Прекрасно! – сказал Виктор Сергеевич. – Между нами говоря, недолюблюваю, точнее – побаиваюсь женщин, которые пекут пироги с зеленым луком и яйцом.

– Вам просто не повезло. Когда мои мама и папа, вместе, пекли пироги и пиццы под общим названием «Наше все», было очень весело в процессе и безумно вкусно в финале.

– Евдокия Олеговна, вы потрясающая женщина!

– Не подлизывайтесь! Никаких припасов для особых гостей у меня в подполе нет.

– Я именно подлизываюсь, – покивал Виктор Сергеевич, – только не в смысле утех желудка.

«А каких утех?» – хотела спросить Дуня, но прикусила язык.

Виктор Сергеевич подошел к своему телефону и включил его. Раздались пиканья непрочитанных сообщений, он не стал их открывать.

– Познакомьте со своими владениями?

– Если хотите.

Они прошли по участку. Дуню подмывало рассказать, как было раньше. Каждый уголок был связан с воспоминаниями. Тут мама сажала клубнику. Наблюдали, как красиво кружили птицы. Оказалось – попортили все ягоды. На следующий год они с папой делали огородные чучела, собрав домашнее тряпье. Чучела были именными: негритьянка (черная резиновая камера вместо головы) в пестром, разлетающемся под ветром мамином пеньюаре, хиппи-бой с волосами из пакли и в старых папиных клетчатых сорочках, моряк-с-печки-бряк в папиной тельняшке и маминых трениках. Высокая трава скрывала холмики бывших грядок и цветников. Когда Дуня скосит траву, они в самом деле будут походить на могилки без крестов. Дуня молчала, а Виктор Сергеевич точно слышал ее мысли.

– Вы еще слишком молоды, чтобы оглядываться назад, – сказал он. – Уберите третий глаз с затылка и переместите на лоб. Обнаружите, что пользуетесь большим и заслуженным успехом. Вы из тех, кто сам выбирает, а не его выбирают.

«Человек, который много знает, – всезнайка или эрудит, – подумала Дуня. – Как называется человек, который тонко улавливает чужие эмоции? Всечуйка?»

Она повернулась у яблонь и пригласила:

– Пойдемте чай пить.

Осенью она приедет сюда и набьет яблоками полный багажник, и на сиденьях будут стоять пакеты. Всю дорогу до дома будет вдыхать яблочный аромат. Потом раздаст фрукты соседям, подругам и сослуживцам.

Навстречу им шагал дядя Саша.

Не здороваясь, требовательно дернул головой в сторону Виктора Сергеевича:

– Олигарх?

– Э-э-э... – протянул Виктор Сергеевич и вопросительно посмотрел на Дуню.

– Дядя Саша, это... мой научный руководитель.

– Ага! – облегченно и одновременно разочарованно выдохнул дядя Саша. – Приятно познакомиться. Воробьев! – протянул руку.

– Сорокин! – ответил на рукопожатие Виктор Сергеевич.

Дуня невольно приснула: птичий слёт. В доме звонил телефон. Непрерывно. Замолкал на несколько секунд и снова звонил. Рингтон – не Моцарт, не Вивальди, не самсунговская трель, а натуральный требовательный звонок, как в старых телефонах. Виктор Сергеевич не обращал внимания на вызовы, слушал дядю Сашу и хмурился. Дядя Саша призывал товарища Сорокина как научного руководителя разобраться с личной жизнью Дуни. Зачем она замуж выходила, если сама косит и вообще гробится на даче? А ее супруг – здоровый бугай, ни разу не инвалид, носа сюда не кажет. «Ни разу не» – это он у внучки подхватил, мысленно отметила Дуня. Алёна часто вставляла это модное и неграмотное словосочетание: *ни разу не нравится, ни разу не смешно*.

Они подошли к крыльцу. Виктор Сергеевич оборвал монолог дяди Саши:

– Все понял. Спасибо за информацию! – И добавил командирским тоном: – Свободен!

Дядя Саша не обиделся, даже с уважением посмотрел на Виктора Сергеевича, подчинился с удовольствием, точно солдат, истосковавшийся по приказам генерала. Только под козырек не взял, повернувшись, зашагал к калитке.

Дуне было неловко, что вывернули наружу изнанку ее семейной жизни. На волне своих филологических умозаключений она проговорила:

– «Свободен» на всех языках мира, в том числе и русском, означает недействие на человека ограничений чужой воли или обстоятельств. Но в русском императив «Свободен!» означает «можете убираться отсюда» или грубее – «пошел вон!».

На Виктора Сергеевича не произвели впечатления ее языковые познания. Он, казалось, и не слышал Дуни. Он выглядел культурно-злым. Как воспитанный мужчина, которому все не нравится до бешенства и хочется треснуть кулаком по столу или даже вмазать кому-то по морде.

– Косилка не возьмет эту траву, – сказал Виктор Сергеевич. – У тебя есть триммер?

Не заметил, что перешел на «ты», и Дуня его не поправила. Ей бы следовало решительно отказаться от помощи. Вместо этого она покивала. В багажнике машины лежал новый электрический триммер и удлинитель. У старого бензинового триммера трос, за который надо дергать, был очень тугой, в прошлом году она с ним намучилась. Когда триммер окончательно сломался, Дуня была даже рада, новый можно купить по уважительной причине.

– Ваш телефон битый час звонит, – сказала Дуня.

– Не глухой! – почти грубо ответил Виктор Сергеевич и направился в дом.

Дуня поплелась следом. Она точно знала, что его грубость была адресована не ей, а тому, за-кем-она-за-мужем. Это было приятно, точно Степан в самом деле получил по физиономии или вот-вот получит. Степан бы испугался, он был трусоват.

«Битый час» говорят про несколько минут. Почему час «битый»? Дуня пряталась за анализом слов, словосочетаний и фразеологизмов. Она всегда пряталась от неправильных чувств, позорных для высоконравственной женщины.

Дуне не следовало бы слушать чужой разговор, но она стояла и слушала.

– Да, привет! – говорил в трубку Виктор Сергеевич. – Все нормально. Из лесу вышел, у добрых людей телефон зарядил. Нет, не далеко, километров пятнадцать. Мне надо задержаться часа на два... Что? Температура? Дай трубку Ксении. Привет! – Голос Виктора Сергеевича потеплел. – Переволновалась? Ну, что со мной могло случиться, дурочка! Я на медведя с голыми руками, а диких кабанов легким взмахом ноги. Чего ты хлюпаешь, скажи пожалуйста! Ксюша, запомни: со мной никогда и ничего не может случиться. Что с дочкой? Высокая? Под сорок? Хочет с папой поговорить? Давай. Кнопочка, что у тебя болит? Горлышко болит у моей доченьки. Горячее молоко с медом! Какая гадость! Лекарство, мама говорит? Тогда вы с ней по ложечке: ложечку мама, ложечку ты. Нечестно, – рассмеялся Виктор Сергеевич, – потому что мама любит эту гадость?

Неведомое чувство подхватило Дуню и понесло к Виктору Сергеевичу. Подошла, обняла его за спину. Он не удивился. Склоненной головой прижимал трубку к плечу, своими руками прижал Дунины крепче, точно боялся, что она отцепится раньше времени. И упадет? От неведомых чувств.

Неведомые чувства, а также неведомые силы выделяют странные вещи с героинями романов из-за авторского бессилия. Дуня неведомых чувств и страстей отродясь не испытывала. Но не смогла бы объяснить ни свой порыв, ни отсутствие стыда за него. Она просто грелась у чужого огня. Как войти в дом с холода и прислонить озябшие ладони к теплой печке.

Виктор Сергеевич шутил с дочерью, говорил, что скоро возьмет ее на ручки и они поедут к доктору. Потом попросил дать трубку дяде Игорю.

– Подхватишь меня на развилке между Вырубками и Тарасовкой. Знаешь, где это? Нет, к дому подъезжать не надо. Через сколько вы будете? Уже собрались? Понял. До встречи! Они подъедут через полчаса, – положив трубку, не отпуская ее рук, сказал он Дуне.

– Вот и отлично! – Почти силой она освободилась, сделала несколько шагов назад. – Извините!

– За что?

– Липну к вам как... как... Все, филология сдулась.

– Ты липнешь? – улыбнулся Виктор Сергеевич. – Я гипнотизирую тебя изо всей мочи, а чего добился?

– Вам надо спешить.

– Надо, – не тронулся он с места.

– До развилки добрых полчаса ходу.

– Знаю.

Распахнулась дверь. Снова дядя Саша:

– Я чего приходил-то?

– Чего? – с досадой спросил Виктор Сергеевич.

– Дак, на ужин позвать. Приходи... те! Дунь, Оля напечет пирогов твоих любимых, с зеленым луком и яйцом.

Дядя Саша не понял, чему рассмеялись научный руководитель и Дуня.

– Приду, – пообещала Дуня и вышла из дома.

Она застыла у калитки, как бы выпроваживая соседа и давая понять гостю, что ему пора уходить.

Виктор Сергеевич задержался:

– Ты мне очень нравишься. Можно я тебя поцелую?

– Нет. В семнадцатый раз жениться даже для вас слишком.

Он покивал ее неуклюжей шутке и согласился:

– Слишком. До свидания!

– Прощайте!

Дуня смотрела на его удаляющуюся фигуру. Так уходит счастье. Это опять из романа?

– Стойте! – закричала Дуня, и Виктор Сергеевич оглянулся. – Вы корзину забыли!

Она сбегала за стоящей на крыльце корзиной. С Виктором Сергеевичем, который двинулся обратно, они встретились точно напротив дома дяди Саши и тети Оли. Виктор Сергеевич забрал корзину, поставил на землю и, не спрашивая разрешения, обнял и поцеловал Дуню.

Степан говорил, что она не любит целоваться. Теперь она с полным основанием могла бы ответить: «Просто ты не умеешь этого делать».

Дядя Саша, оторопевший, застыл у своего забора. Тетя Оля прилипла к окну. Ни дать ни взять – сцена из сериала.

– Губите мою репутацию, – пробормотала Дуня, когда он отпустил ее.

– Хоть что-то для тебя сделал.

– Очень много сделали. Снова – прощайте, ваше превосходительство! Теперь превосходительство не по чину или должности, а по... – не нашла Дуня определения.

– Тебе обязательно и счастливо повезет, девочка. Иначе в Бога не верить.

Дуня не читала сентиментальных дамских романов, но почему-то в голову лезли фразы из подобного рода литературы. Вкус поцелуя на губах. Ты не рассталась с мужчиной, пока есть послевкусие его поцелуя.

Она вспомнила, как подруга раздавала щенков своей собаки. За щенком пришли отец и сын. Мальчик, старшеклассник, протянул подруге шарф и попросил обтереть им маму-собаку, чтобы сохранился запах и щенок какое-то время не тосковал. Дуне надо было поступить так же. Попросить Виктора Сергеевича поваляться в ее кровати.

Дождь наконец пошел. Борьбу за небесный кран выиграли силы воды. Сначала мелкий аэрозольный дождь постепенно набирал мощь, стал сеять маленькими капельками, они набухали и увеличивали скорость падения. Почему нельзя косить в дождь? Кому от этого плохо, траве или триммеру? Глупости! Только человеку неудобно. Человек переживет. Тем более, что Дуня-человек решительно не хотела заниматься сейчас нудным трудом вроде чистки грибов. Ей требовалось движение. Она достала триммер из багажника, удлинитель и маленький бут лески. Дождь уже походил на быстрый водопад. Триммер электрический, и в ее, Дунином, теле сейчас электричества на триста вольт... или ватт? Под дождем закоротит, и Дуня превратится в шаровую молнию, покатится по участку, выжигая траву. Будет самоубийственно эффектно. Однако хочется еще пожить. Чем же заняться? Навести порядок в сарае. Столько лет руки не доходят.

Дуня проработала часа два или три. Сначала решительно кидала в угол ненужное старье на выброс, потом доставала из свалки какие-то предметы и возвращала на хранение.

Старые ржавые грабли, крайний зубец погнут.

Папа с ними работал и говорил ей, дошкольнице:

– Ты все спрашивала, откуда у меня на лбу шрам-вмятинка. Вот из-за этих граблей. Я на них наступил, они меня – бац! – по голове. Но череп у меня крепкий, не пробился, а зубец погнулся.

Дуня поверила, только не могла сообразить, чему смеются папа и мама. Это был смех-загадка. Так папа с мамой веселились, когда она не могла понять чего-то очевидного, суть розыгрыша.

Ночью Дуне не спалось, все разгадывала. Потом вскочила, босиком пробежала по дому, до сих пор помнит, ступнями помнит, холодные половицы, колючие крошки (дедушка бабушкины семена рассыпал и плохо собрал), затарабанила в комнату родителей.

Когда Дуне снились страшные сны, она неслась к родителям. Так мама приучила: «Если приснилось что-то ужасное, беги к нам в спальню. Только сначала хорошенько потарабань в дверь. Ночные кошмары боятся этого звука».

Она, Дуня, не скоро поняла, почему надо тарабанить, долго верила, что от страшных снов помогает энергичный стук по дереву. Даже подружкам советовала: «Проснешься от ужаса, немедленно стучи по дереву!»

Но в ту ночь ей ничего страшного не снилось, да она и не спала. Разгадала! Втиснулась-ввинтилась на постель между мамой и папой.

– Если наступить на грабли, то по лбу ударят не зубчики, а деревянная палка-ручка.

– Черенок, – сонно поправил папа.

Ночью мама, как часто бывало, ушла от них, досыпала на Дуниной кровати. Потому что: «Один храпит, а другая брыкается».

Когда Дуня повзрослела, когда они с папой объединялись против мамы (наряд, якобы не подходящий для дискотеки, мальчик с сомнительной репутацией – отвадить, вернуться домой в десять, ни секундой позже), их союз так и назывался «Один – храпит, другая – брыкается».

Смерть папы Дуня пережила вместе с мамой. Мамин уход – в одиночестве. Познакомилась со Степаном и вылечилась. За это Степану можно все простить. Только прощать-то нечего, кроме собственных фантазий.

Оглядев результаты своего труда, Дуня пожала плечами: не идеально, но в углу все-таки солидная куча мусорного барахла. Электрический заряд от нечаянной и негаданной встречи с удивительным мужчиной кончился, навалилась усталость. Доплелась до дома, кое-как помылась у раковины, водопроводную и обогревательную системы давно не включала, обходилась малым. Завалилась спать.

Проснулась удачно, будто по будильнику, словно рассчитав время, когда навестить соседей – в получасовой перерыв на новости между сериалами.

Старики давно отужинали. Дуне собрали сухой паек: пирожки, картошку (для жарёхи, ты ж грибов собрала), своих огурчиков и помидоров, зелени.

– Масло-то на салат у тебя есть? – спросила тетя Оля.

Получив утвердительный и неправдивый ответ, заговорила о своих болезнях. Грыжу у себя подозревает, как у Верки, что пятый дом от старого колодца в Вырубках. Алёна в город на обследование тянет, но к врачам только попади.

Дядя Саша с гордостью подхватил:

– Внучка нам зубы заодно хочет вставить.

– Зубы заодно – это прекрасно! – улыбнулась Дуня. – Алёна очень вас любит.

– А то! – польщенно хмыкнул дядя Саша.

– Чего ж нас не любить, – расплылась от удовольствия тетя Оля.

Они еще бы поговорили об Алёне, но время поджимало, сериал вот-вот начнется, а главного не узнали – объяснения подсмотренной сцены.

– Ученый руководитель тебя часом не помогает? – выдвинул заготовленную версию дядя Саша.

– Увы, часом нет.

– Чего «увы»? – не поняла тетя Оля. – Сама, что ли, в него втрескалась?

– По уши, – кивнула Дуня.

– Женатый он? – сокрушенно помотала головой тетя Оля.

– Да, три жены.

– Скока-скока? – вытаращился дядя Саша.

– Нехристь мусульманский? – ахнула тетя Оля.

Дуня перестаралась. Так, глядишь, старики и про сериал забудут.

– Шучу, – сказала она. – Просто сейчас все целуются при встрече и расставании, сами знаете. В щечку. А в научных кругах принято – в губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.